

2. *Есенин С. А.* Автобиографии, статьи, письма. // Есенин С. А. Собр. соч.: в 5 т. / под ред. Владыкина Г. И., Зелинского К. Л. и др.). М., 1962.
3. *Есенин С. А.* Ключи Марии // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М., 1997. Т. 5.
4. *Есенин С. А.* Пугачёв и др. поэмы // Есенин С. А. Полн. собр. соч.: в 7 т. / гл. ред. Ю. Л. Прокушев. М., 1998. Т. 3.
5. *Занковская Л. В.* «Большое видится на расстояньи...» С. Есенин, В. Маяковский и Б. Пастернак. М., 2005.
6. *Киселёва Л. А.* Диалог древнерусского и символистского концептов слова в есенинских «Ключах Марии» // Пам'ять майбутнього: Збірник наукових праць. Київ, 2001. Вип. 1.
7. Культура в Вологодской области. WEB-портал культуры. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A5%D0%BB%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%8B>
8. *Маслов И. А.* Хлыстовство в России. Третья традиция славянства // http://zhurnal.lib.ru/m/maslow_i_a/hlystowstwowrossiitretxjatradicijaslawjanstwa.shtml (журнал «Самиздат»).
9. *Михеичева Е. А.* Есенин и Маяковский: две концепции творчества. // Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи. Сборник научных трудов. Рязань, 2006.
10. *Прохоров С. М.* Об одном неучтённом источнике эссе С. А. Есенина «Ключи Марии» // С. Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи. Сборник научных трудов. Рязань, 2006.
11. Хлысты. Википедия. Свободная энциклопедия. <http://www.cultinfo.ru/fulltext/1/001/008/119/333.htm>

Н. К. Кашина
Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова

ВЕЧНЫЙ ФИЛОЛОГ В. В. РОЗАНОВ ОБ ОНТОЛОГИИ СЛОВА

Азь бо, княже, ни за море ходил, ни от философъ научихся, но был аки пчела, падая по розным цв•том, совокупля медвенный сот; тако и азь, по многим книгамъ исьбирая сладость словесную и разум, и съвокупих аки в м•х воды морския Слово Даниила Заточника

Фило-софия и фило-логия – вряд ли какой-либо вид мыслительной деятельности человека, будь то наука, политика, идеология, включают в себя обязательным условием любовь к предмету. Вечным филологом назвал В. Розанов человека, и сам оправдал это звание.

В традиции литературы рубежа XIX–XX вв. обращаться к истокам русской духовности – древней Руси, когда, собственно, и осуществлялось приобщение к христианству с богатейшим опытом византийской культуры. По определению В. Бычкова, онтологизм есть ощущение устроенности, укоренённости человека в определённом месте бытия. Осознание этой устроенности как закона мироздания пробуждало ощущение радости, духовного наслаждения, наполняя жизнь человека эстетическим содержанием. Это эстетическое переживание оберегало от поспешной вербализации, консервировало в образе переживаемый новый духовный

космос. Не только письменность Византии, но и иконопись, и живое слово, облик и подвиг православных подвижников позволяли русскому человеку непосредственно переживать открывшийся миропорядок. В. Бычков заметил: «Если попытаться описать подобное эмоциональное состояние... оно складывается из одновременного переживания возвышенного и трагического, смягченного чувством просветленного умиления. Это сложное эмоционально-эстетическое переживание, которому сами средневековые люди не нашли словесного обозначения, а современной науке его трудно обозначить, так как оно редко встречается в эмоциональной жизни людей XX века. Для средневекового человека оно было достаточно регулярным. Он переживал его не только при посещении святых мест (что было уделом лишь единиц), но и на любой Литургии, в процессе которой повторялась мистерия страстей Христовых, и особенно в дни Великого поста и в праздники, и в дни памяти христианских мучеников. Более того, созерцание икон и храмовых изображений страстей и распятия Христа и изображений сцен мученичества древних праведников вызывало у древнерусского человека именно это сложное и трудно описуемое чувство возвышенно-трагического умиления» (5).

Таким образом византийские абстракции получали жизненное наполнение в русской культуре. К определению «экзистенциальный онтологизм», которое относят к прародителю русской философской мысли – Платону, можно с полным основанием добавить определение «эстетический». В сущности, было бы вполне уместным назвать этот вид онтологизма мифологическим: именно миф способен пережить абстракцию до того, как она будет понята. *Сладость словесная и радость*, о которых писал Диниил Заточник, становились неотъемлемой частью духовных проникновений. (Образ пчелы, собирающей мёд, не случайно был так популярен в средневековой символической культуре.)

П. Флоренский, рассуждая об оскудении церковной жизни, пишет: «Причина всего этого – отсутствие онтологичности в нашем мировоззрении, мы ничего не продумываем до конца и постоянно забываем, что именно в явлении есть подлинное и что второстепенное, забываем, что наша реальность есть только подражание другой, высшей её реальности, и что ценна она не сама по себе, а как носительница этой высшей реальности, забываем, что богослужение – не представление на сцене, а выявление в нашей сфере иного слоя бытия» (4 : 353). Слова эти легко приложимы и к духовной жизни в целом. Онтологичность, таким образом, есть не что иное, как постоянное соотнесение жизни с двумя реальностями. Именно так рождается антиномичность мировосприятия. Мир дольний и мир горний отражаются в душе человека как символы, не теряющие своей жизненной энергии. Именно поэтому, считает П. Флоренский, нет ничего незначительного в мире вещей: «Вот пример; вместо восковой свечи, имеющей столь глубокий смысл, в наших церквах – жестяные трубы, в них что-то налито, не елей, а так, какая-то смесь; вместо естественного и символического света – безжизненный свет электрический; вино у нас не виноградное, как будто бы это всё равно; устав не соблюдается; богослужебные формулы изменяются, подвергаясь молекулярной переработке... А раз наша служба перестанет соответствовать церковному чину и уставу, то очевидно, что происходит незаметно некоторая фальсификация богослужения» (4 : 353) Сакрализация, таким образом, осуществлена не человеком, она изначально

но присутствует как связь двух миров независимо от способности воспринять её. Отсюда – удивительно бережное отношение к жизненным проявлениям: они могут оказаться потенциальными носителями онтологической природы.

«Вселенная бесконечна, это просто = тому, что всякая точка в ней моментально может быть принята за центр, но есть и на самом деле её центр. Отсюда: нет в мире мелочных и больших вещей, и мы все собственно боги и в то же время Бог Един...» (4 : 142).

В. Розанов отличается таким отношением к вещному миру. В последнем произведении, «Апокалипсис нашего времени», писатель сокрушается и негодует о словесном бессилии религии: «Нигилизм же в религиозном отношении я считаю полным *острупнением*. Европа есть *религиозный труп*. С фразами, модами, диссертациями – но труп. Всё – умерло...» (1 : 63)

«У вас только слова, фразы и формы. Слова о «благодати» есть, а благодати настоящей нет. Есть «учение о благодати», но в сердце нет благодати...» (1 : 86).

«Причина обезумения человеческого и потеря Истинной Религии заключается в языке, филологии ... Собственно нужно начать удивляться, надо пробудить удивление. Вот филология-то и скрывает священный лес...» (1 : 113)

А вот строки из «Возрождающегося Египта»: «На самом деле, поэзия началась только христианством. Человек вздохнул. Какая-то птичка взвилась к небу. Что-то вечное промелькнуло. И вот – поэзия.

Влад. Соловьёв не мог не быть поэтом, потому что он много грустил. Я называю себя поэтом, потому что я много грущу. Но что такое грусть, вообще...?

Первый вздох о том, что «мы с неба и опять уйдём в небо». Грусть – это всегда разлука. Тени и воспоминания» (2 : 287).

В «Опавших листьях» автор сетует на литературу (литературность): «То, что всякое *переживание* переливается в играющее, живое слово: но этим всё и кончается, – само *переживание* умерло, нет его. Температура (человека, тела) остыла от слова. Слово не возбуждает, о нет! Оно – расхолаживает и останавливает...» (3 : 171).

Другое дело поэзия библейская. «Но душа человека вечно полна речей... Писанных, ненаписанных, всё равно – полна: как сердце, видим мы его или не видим, слушаем его биение или не слышим, – оно полно кровью и делает всё, что сердцу принадлежит делать. И «словесное существо», человек говорил до письменности так же много, как говорит и при письменности: но когда некому говорить, слова остаются в сердце и жгут сердце, воспитывают его, умудряют его» (2 : 441). Таким может быть только слово живое, ещё не оформившееся, ибо как только они получают «вид» – «всё исчезнет».

Неоконченность, незавершенность слова есть его неполная вербализация. Так «Песня песней» – «самая ароматичная и тайная поэма во всемирной литературе». В статье, посвященной этой поэме, В.Розанов открывает ещё один способ сохранить жизненность слова – накопление семантических составляющих словесного комплекса. Здесь можно встретить и этимологические фрагменты, и культурные реалии, но все эти составляющие – лишь штрихи, из которых складывается пульсирующий образ.

При этом важно помнить, что сам чувствуемый мир обладает силовыми линиями, притягивающими к себе, казалось бы, совершенно случайные проявления.

В размышлениях о «Песне песней» появляется цветок, означающий пахучесть мира. В тексте «Возрождающегося Египта» этот цветок совершенно неожиданно становится кодовым словом, открывающим многообразие значений слова «бес-смертие». Розанов-филолог наслаждается словом в его бесконечном многообразии, но всегда помнит о неразрывной связи земного и небесного, дольного и горнего. Если христианское отношение к миру человека предполагает его преображение, то в произведениях Розанова реальный мир принимается как совершенное творение Господа, которое и постигает человек в слове. Таково слово, не творящее мир, а запечатляющее его гармонию как воплощение Божественного замысла. В этом – своеобразие розановского онтологизма.

Библиографический список

1. *Розанов В. В.* Собр. соч. Апокалипсис нашего времени / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2000.
2. *Розанов В. В.* Собр. соч. Возрождающийся Египет / под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2002.
3. *Розанов В. В.* О себе и жизни своей / сост., предисловие, комментарий В. Г. Сукача. М., 1990.
4. *Флоренский П. А.*, свящ. Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1) / сост. игумена Андроника (А. С. Трубочёва), П. В. Флоренского, М. С. Трубочёвой; ред. игумен Андроник (А. С. Трубочёв). М., 1999.
5. <http://pravoslavie.ru/jurnal/rusmirovovzrenie.htm>

С. А. Губанов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ОСОБЕННОСТИ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ АНТИНОМИЙ В ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ БЫТИЯ О. П. А. ФЛОРЕНСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДА «ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТА»)

В последнее время в отечественной культурологической науке все чаще выводится на первостепенные позиции мысль о значимости пространственно-временной организации Бытия как особой сегментационной картины, играющей важную роль в направлении понимания историко-культурного генезиса в частности и непрерывного культурфилософского дискурса в целом. К числу таких работ относятся: статья Г. В. Дьяконова «Антиномическая гносеология П. А. Флоренского как основа методологии духовно-онтологической и диалогической психологии», работа В. В. Мороза «Взаимосвязь философии и математики в творчестве П. А. Флоренского» и др. Представленные исследования ставят перед собой задачу раскрыть одну из плоскостей феномена онтологии о. П. А. Флоренского. В связи с этим изучение свойств, качеств и состояний сегментных единиц, образующих